

Словник праславянского словаря в диахроническом аспекте

Жанна Ж. Варбот

Важнейшим достижением славянской лексикографии второй половины XX века является разносторонняя разработка принципов праславянской лексикографии и их реализация в двух словарях: SŁOWNIK PRASŁOWIAŃSKI. Pod. red. F. Sławskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, t. I—V, 1974—1984 (далее — SP) и ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД). Под ред. О. Н. Трубачева. М., вып. 1—14, 1974—1987 (далее — ЭССЯ)¹. Специфика и значение праславянского словаря определяются необходимостью решения двух взаимосвязанных задач: реконструкции праславянского лексического фонда и его этимологизации. Этимологические решения (неотделимые от словообразовательных характеристик) являются основанием для праславянской реконструкции и ориентации слова в собственно праславянской и индоевропейской лексике. Охват справочных материалов и оригинальность этимологических толкований еще увеличивают вес этимологической части праславянских словарей, ее значение для славистики. Но первостепенным вкладом в сравнительно-историческое изучение славянских языков является реконструкция праславянского лексического фонда — как результат многостороннего анализа максимального объема лексики всех славянских языков и поэтому — как база для праславянской лексикологии и вообще истории праславянского языка. Разумеется, информативность словарей во многом определяется принципами их составления. Хотя работа над обоими словарями еще далеко не завершена, интересно обратить внимание на некоторые характеристики реконструированных праславянских словарей с точки зрения истории праславянской лексики. В данной работе затрагиваются два аспекта словарей: включение в них словообразовательных вариантов лексем и реконструкция лексем по их производным.

Как общая характеристика словарей двух вышеупомянутых словарей выявляется обилие словообразовательных вариантов лексем. Их расположение в словарях разнообразно: оно варьируется в каждом словнике и иногда отличает словари друг от друга: например, *dǫbrova и *dǫbrava помещены в одной словарной позиции в SP и ЭССЯ; *bъгъзь и *bъгъзькъ в разных позициях в SP и ЭССЯ; *deravъ и *diravъ в SP в одной позиции, в ЭССЯ — в разных. Причем во всех приведенных случаях составители признают отношения преемственности или разных видов лексем (польск. *postać*) между формами. Термины „вариант“, „вариантность“ не употребляются. В целом в SP преобладает совмещение вариантов в одной позиции, в ЭССЯ — распределение по разным позициям. Следует сразу же оговорить, что ниже часто используется материал праславянских словарей и независимо от его оценки (то есть от наличия упоминания о преемственности, разных видах или вариантности) составителями².

Явление вариантности необходимо рассматривать в двух планах: генетическом и функциональном. В функциональном плане вариантность является следствием (и показателем) отсутствия унификации, нормы, что способствует сосуществованию, «конкурентному» употреблению вариантных образований, или территориальной, диалектной дифференциации языка, что создает условную вариантность, поскольку вариантные образования функционируют в различных подсистемах языка. В генетическом плане случаи вариантности различаются в отношении наличия/отсутствия непосредственной генетической зависимости одного варианта от другого: соответственно возможна вариантность как следствие преобразования лексем и вариантность — результат параллельного независимого словопроизводства (одновременного или хронологически дифференцированного) нескольких лексем на базе однокоренных, но различных по структуре основ, или с вариантными аффиксами. Эти два плана вариантности — функциональный и генетический — имеют различное значение для словарей синхронных и исторических. В синхронном словаре преимущественное значение принадлежит функциональной стороне вариантности, то есть вопросам сосуществования вариантов в языке, их диалектного распределения, их отношения к норме. Генетический план вариантности присутствует в синхронном словаре лишь имплицитно. Для исторического словаря, представляющего лексику в её развитии в течение достаточно длительного промежутка времени, первостепенное значение имеет генетический аспект вариантности, непосредственно связанный с этим развитием; от генетического соотношения вариантов здесь зависит решение проблемы исторического тождества слова и соответственно распределение вариантов по словарным позициям: параллельные образования могут быть представлены в разных словарных позициях, а варианты, связанные отношениями преобразования, должны объединяться в одной позиции. Функциональная характеристика вариантности в историческом словаре обычно отходит на второй план и более труднодостижима, чем в синхронном словаре, хотя и желательна. Однако одной из аксиом современной лексикографии становится признание условности, относительности понятия синхронного словаря и неизбежности отражения в синхронном словаре известного динамизма языка, так что создается сфера взаимного наложения, перекрытия синхронного и исторического словарей³. По определению О. Н. Трубачева, «все словари — исторические в той или иной мере, . . . абсолютно только понятие исторического словаря»⁴. В этом отношении ярким и поучительным примером являются рассматриваемые праславянские словари.

Хотя априори праславянские словари представляют однозначно историческими, ситуация здесь непростая. Сложность обусловлена двуединством целей словарей: реконструкции праславянского словника и этимологизации его. Вторая задача определяет тип словаря как исторический, причем в его наиболее диахронически глубоком и потому сложном варианте. Первая задача формулируется для SP как «реконструкция праславянского словарного фонда периода, непосредственно предшествующего древнейшим историческим данным, следовательно — приблизительно VII—VIII в. в. н. э.» (SP I, s. 6), ср. относительно ЭССЯ: «Временные рамки реконструкции праславянского лексического фонда — это в известном приближении эпоха конца существования праславянского языка»⁵. Решается эта задача в обоих словарях срав-

нением лексики отдельных славянских языков и проекцией результатов сравнения на эпоху конца существования праславянского языка. И постановка задачи, и метод её решения как будто определяют получаемый праславянский словник как синхронный. Это подтверждается и тем, каких показателей, сведений относительно праславянской лексики ожидают редакторы от праславянского словника: постоянно акцентируется реальность получения сведений лингво-географического характера — о диалектной дифференциации праславянского языка (SP I. 10), о соотношении общих праславянских и диалектных праславянских элементов словаря, о распределении исключительных изоглоссов внутри славянского и (сепаратных, региональных) славянско-неславянских⁶. Большой интерес в этом отношении представляют и словообразовательные варианты лексем: сведения о распространении их продолжений по славянским языкам, наличие отношений дополнительного распределения или частичное наложение, перекрытие ареалов являются показателем дифференциации диалектов на уровне словообразования. В SP эти сведения отражаются в лемме словарной статьи: например, dǫ'badlo: юж. и вост. dǫ'bidlo: сев. dolbadlo. В ЭССЯ эти данные обобщаются в этимологической части статьи. Не менее интересны и случаи совпадения ареалов вариантов, что является показателем колебаний в единой системе.

Однако отмеченная хронологическая ориентация праславянских словников на эпоху конца существования праславянского языка не означает исключение их диахронической глубины. Словник праславянского словаря, полученный в результате проекции лексики славянских языков на указанный хронологический уровень, имеет еще менее шансов на строгую синхронность, чем словарь современного языка или даже словарь какой-либо давней эпохи, составленный по памятникам письменности. Как во всяком синхронном словаре⁷, в словнике праславянского словаря соседствуют архаизмы и неологизмы; архаизмы здесь — слова индоевропейского или раннепраславянского происхождения, утратившие продуктивность к концу существования праславянского языка, неологизмы — образования самого конца этой эпохи. Как показатель диахронической глубины праславянского словника весьма существенна словообразовательная вариантность в её генетическом аспекте, а именно — вариантность как следствие преобразования, когда один из вариантов представляет собою первичную (или во всяком случае более древнюю) форму лексемы, а другой (или другие) — более поздние результаты её структурного преобразования. Содержащийся в словниках праславянских словарей материал обнаруживает различные типы структурных преобразований лексем, касающихся как производящих основ, так и аффиксов. Ср., например, *bodyl'ъ и *badyl'ъ в SP и ЭССЯ, две позиции; *kys(ь)l'ь(ь) и *kysal'ь(ь), *kysel'ь(ь)/*kysel'ь(ь) — ЭССЯ, три позиции, *bagatъ и *bagatъje — SP, одна позиция; *dъrgъ и *dъrgъкъ — SP и ЭССЯ, две позиции, *kurosěstъ, *kurosěstъ и *kurosěstъje — ЭССЯ, одна позиция; *kъgvorija, *kъgvorijъsa и *kъgvorijъсь — ЭССЯ, одна позиция.

Неизбежная диахроническая глубина реконструированного праславянского словника ни в коей мере не является его недостатком не только вследствие практической невозможности строгой синхронности, но и по соображениям научной экономии и целесообразности: если этимологическая часть словарных статей вскрывает происхождение слов разной степени древ-

ности и их историю (хотя бы в отношении формы, структуры) до начала существования собственно отдельных славянских языков, то нет оснований для отказа от отражения результатов этого исследования в словнике в форме, например, включения в него и ранних, и поздних, преобразованных видов лексемы, то есть от разработки словника по типу исторического словаря. Это только увеличивает информативность самого словника, который становится наглядным показателем изменения праславянской лексики в структурном отношении. Следует, однако, отметить, что, как и в исторических словарях, в этих случаях желательно соблюдение принципа исторического тождества слова и поэтому логично было бы последовательно помещать подобные варианты в одной словарной позиции. Такое расположение вариантов, кроме того, наглядно определяет словообразовательные «группы риска»: с одной стороны, словообразовательные структуры, наиболее часто подвергающиеся преобразованиям, и, с другой стороны, словообразовательные структуры, чаще прочих являющиеся результатом преобразований. Так, например, как словообразовательная структура второго типа явно выделяются глаголы с основами на *-i-* (*-iti*) (не отыменные), с нетипичными для этих основ ступенями корневого вокализма и соотносительные с праславянскими глаголами на *-e-* (при корневом инфинитиве), *-je-* (*-ati*) и *-i-* (*-ěti*). Эти глаголы на *-i-* (*-iti*) часто представляют собою преобразование других типов основ: ср. **dyžati* — **dyžiti*, **kylzeti* — **kylziti* — ЭССЯ, **delbti* — **dj'biti*, **borti* — **boriti* — SP.

Диахроническая глубина праславянского словника, однако, может иногда принимать и нежелательный характер разброса за пределы собственно праславянского языка: гипотетичность, неизбежная при реконструкции, и параллелизм развития отдельных славянских языков затрудняют отсев новообразований позднепраславянской эпохи от параллельных образований отдельных славянских языков. Характеризуя трудность решения этой задачи, Ф. Славский отметил диагностические возможности семантического анализа (SP I, s. 8—9). На семантические характеристики как контрольные параметры при отборе видовых форм глагола в праславянский словник опирается О. Н. Трубочев⁸. Представляется, что при решении задачи отделения позднепраславянских новообразований от параллельных образований отдельных славянских языков особым объектом внимания должна быть словообразовательная вариантность как следствие преобразований. В случаях этой вариантности необходимо дифференцировать два типа по признаку наибольшей вероятности возникновения позднего, преобразованного варианта (1) в праславянском языке или (2) в истории отдельных славянских языков. В первом типе на позднепраславянском уровне представлены и исходная праславянская лексема и результат ее преобразования в праславянский же период. Таковыми представляются упомянутые выше случаи **bodyl'ь* и **badyl'ь*, **kys(ь)l'ь(jь)* и **kysal'ь(jь)*, **kysel'ь(jь)/kysěl'ь(jь)*, **kъgvorija*, **kъgvorijьsa* и **kъgvorijьсь*. Второй тип вариантности — продукт истории отдельных славянских языков, и поэтому преобразованные формы строго говоря не должны включаться в праславянский словник. Дифференциация этих типов достаточно трудна и может опираться на данные о распространении преобразованных форм и о действии подобных преобразований в истории каждого славянского языка. Например, отмеченный выше тип преобразования глаголь-

ных основ на -e- (при корневом инфинитиве), -je- (при — ati) и -i- (при — ěti) в основы на -i- (-iti) вследствие тенденции к устранению корневых инфинитивов и выравниванию основ настоящего времени и инфинитива явно актуален в истории многих славянских языков: ср. *plovo, *pluti — сербохорв. plòviti, *žygo, *žegti — сербохорв. žditi⁹, *kolti — чеш. skoliti¹⁰, *zaverti — польск. zawrżeć и диал. zawrzyć (при праслав. -i- основе *-voriti). В этих условиях очень велика вероятность послепраславянского происхождения и некоторых преобразованных форм, вошедших в праславянский словарь, особенно если преобразованные варианты зафиксированы в одном или соседних славянских языках. Ср., например, *bъrsati — русск. диал. **бросить** 'собирать, подбирать', *dъrbati — русск. диал. **дербить** (последний вариант включен в виде основы *dъrbiti в словарь и SP — при основе *dъrbati, и в ЭССЯ — как самостоятельная позиция), *kълzěti и русск. диал. **кользить** (ЭССЯ: *kълziti, в одной позиции с *kълzěti).

Если, однако, глаголы на -i-(-iti) с нетипичным для этой структуры основ корневым вокализмом, являются потенциальными поздними вариантами, преобразованиями основ иной структуры, то некоторые подобные -i-(-iti)-основы могут послужить базой для реконструкции незафиксированных древних глагольных основ, особенно если эта реконструкция находит соответствие в лексике родственных индоевропейских языков. Так, для укр. **втoпнитися** 'войти, влезть с трудом' и русск. донск. **пoтoлпиться** 'вместиться' (**Не потолпиться в кожу** — о чрезмерно толстом человеке)¹¹, судя по семантике, можно предполагать скорее не отыменное происхождение (от *tъpa), а преобразование из глагольной основы иной структуры. Такой исходной основой могло бы быть *tolpiti (sĕ), продолжениями которого являются ц.-слав. **встлaпити** 'укротить' и польск. диал. tlopić siĕ 'соваться, проталкиваться', если предположить преобразование вокализма этой основы по аналогии с именем *tъpa. Но при учете лит. telpu, tĭpti 'поместиться', с которым А. Вайян непосредственно соотнес *tolpiti (sĕ)¹², более вероятным представляется преобразование утраченного праслав. *tълpti, генетически тождественного лит. tĭpti; ср. аналогичное преобразование *delbti, *dълbq *dълbiti. Следовательно, предполагается утрата в позднепраславянский период ранее существовавшего глагола *tълpti, преобразованными продолжениями которого могут быть украинский и русский глаголы с основой на -i-(-iti).

Предложенная реконструкция утраченного праславянского глагола или, точнее, реконструкция первичной формы праславянского глагола на базе преобразованных форм аналогична реконструкции праславянского откорневого имени *sĕtelъ (параллельного однокоренному лат. sator 'сеятель') путем снятия следов позднего структурного преобразования-тематизации в ц.-слав. сĕютель, которое О. Н. Трубачев анализировал в Проспекте и пробных статьях ЭССЯ¹³. В обоих случаях осуществлена реконструкция первичной словообразовательной структуры праславянского лексем на основе их структурно преобразованных вариантов, причем для этих вариантов-преобразований вряд ли следует предполагать праславянскую древность. Следовательно, реконструированные исходные варианты могут быть отнесены к числу функционировавших в конце существования праславянского языка.

От этих реконструкций принципиально отличны результаты применения метода реконструкции второй степени, а именно — реконструкция праславянских лексем, не имеющих непосредственных продолжений в лексике славянских языков, на базе их производных, зафиксированных в этих языках. Так, например, в праславянский словарь SP включены реконструированные только на основе соответствующих производных *běluzь, *bolědь, *broľь, *čiti; при этом в первых трех случаях для производных не предполагается праславянской древности (они не включаются в словарь), а в последнем производные образования сами являются праславянскими (они занимают в словнике самостоятельные позиции — см. *čilь, *ročiti, *kojiti). В праславянский словарь ЭССЯ входит *kьgmixa (производное от него не включено в словарь). С другой стороны есть случаи, когда при анализе производных образований, занимающих самостоятельные позиции в словнике, в статьях реконструируются производящие имена и глаголы, которые, однако не вводятся в словарь. См., например, прилаг. *dьbravь, реконструированное для объяснения *dьbrava, SP, но отсутствующее в словнике; *boditi, предполагаемое в ЭССЯ в качестве производящей основы для *bodidlo, но не введенное в словарь.

В случаях применения реконструкции второй степени принципиально существенным представляется не возрастание гипотетичности реконструированных форм, что обычно подчеркивается, а их диахронический аспект. Отсутствие непосредственных продолжений этих форм в славянских языках при наличии их производных свидетельствует об утрате производящих лексем на определенном этапе истории праславянского языка. Если производные являются образованиями отдельных славянских языков, можно предполагать, что производящее слово сохранялось до конца существования праславянского языка. Но наличие лишь праславянских производных следует, кажется, толковать как свидетельство утраты реконструированной производящей лексемы еще до конца этой эпохи, так что введение подобных реконструкций в праславянский словарь означает существенное диахроническое углубление его. Как уже было сказано выше, подобная разработка праславянского словаря как словаря исторического типа увеличивает информативность словаря и приближает реконструкцию к реальному языковому состоянию. Поэтому желательно более последовательное введение реконструированных производящих лексем в словарь как самостоятельных позиций. Но, учитывая специфику примененного метода реконструкции второй степени и возможное отличие реконструированных лексем в диахроническом плане, следовало бы снабжать эти позиции в словнике специальными пометами (например, двумя астерисками — при обозначении прочих реконструкций одним).

Иногда метод реконструкции путем снятия следов структурных преобразований в поздних формах объединяется с реконструкцией второй степени — по производным: различия в структуре морфемы, общей для производного и сохранившегося потенциального производящего праславянского слова, могут быть свидетельством вторичного, преобразованного характера структуры этого производящего. Поэтому, опираясь на структуру морфемы в производном, можно снять следы преобразования в производящем слове и получить его первичную форму. Существование полученного варианта лексемы, при отсутствии прямых продолжений его в лексике славянских языков,

может быть отнесено лишь к более раннему периоду праславянского языка, чем зафиксированного такими продолжениями позднего варианта. Следовательно, реконструированный вариант должен быть также снабжен в словнике специальной пометой. Например, русск. новг. *суся*, *сусоля* 'кто пьет, пьяница', *сусолить* 'медленно пить, сосать'¹⁴ давно уже генетически сопоставлено с праслав. *sъsati, *sъsō¹⁵. Но в производных с суффиксальным -(ъ)- обычно сохраняется корневой вокализм производящей глагольной основы. А в *сусоля*, *суся*, в отличие от глагола, корневой вокализм в полной степени огласовки (u<*ou). Можно, следовательно, думать, что огласовка в ступени редукции *sъsati или *sъsō вторична. Судя по типологии структуры славянских глагольных основ, форма *sъsati первична. Но с основами инфинитива на -ati- нередко соотносятся основы настоящего времени, отличные по ступени корневого вокализма. Возможно и полная ступень огласовки: ср. *strъgati, но *struzō. Соответственно для *sъsō реллавно возникновение из первичного *susō вследствие выравнивания вокализма по основе инфинитива.

На основе производных далеко не всегда можно реконструировать утраченную потенциальную производящую лексему в её целостности, как в приведенных выше случаях. Часто достижима реконструкция лишь основы или корня: см., например, толкование праслав. *kōdъкъ 'кусок' и *kōsati как производных от *kōd- в ЭССЯ. Эти структурные элементы никогда не вводятся в праславянский словник рассматриваемых словарей, ориентирующихся на реконструкцию цельнооформленных лексем. Между тем, подобные основы или корни могут быть древнейшим, индоевропейским фондом, функционировавшим в качестве лексем в ранний период праславянского языка, как в случае приведенного выше *kōd- (ср. лит. kándu, kásti 'кусать', ЭССЯ). Довольно ярким примером этого рода является реконструкция родственного окружения для праслав. *moъьna 'кожаный мешок'. Эта лексема традиционно считается изолированной в славянской лексике, имеющий лишь индоевропейские соответствия: ближайшее — лит. makšnà 'ножны' (так что предполагается балто-слав. *maksa-), более отдаленные — лтш. maks, лит. mākas 'кошелек', др.-в.-нем. mego 'желудок' и т.п. < и.-е. *mak- 'кожаный мешок'¹⁶. Есть, однако, в славянских языках разрозненные лексемы, которые обычно включаются в этимологическое гнездо *mъхъ, хотя и отличаются от него корневым вокализмом о: это сербохорв. mōhuna 'скорлупа, стручок' с производными mōhūnas, mōhunica 'растение Physalis Alkekengi', русск. диал. *махунка* 'растение Physalis Alkekengi', укр. *мохунка* 'листки, в которых заключено зерно хлебного растения' (с суф. -унь/-уна); чеш. mochuně 'Physalis Alkekengi' (с суф. -уна); чеш. диал. mochuga 'маленькая булочка', русск. диал. *мохурка* 'растение Physalis Alkekengi' (с суф. -уръ). Сопоставление всех этих лексем, достаточно близких друг к другу семантически и тождественных по корневному вокализму, убеждает в возможности их генетического единства с праслав. *moъьna. При этом перечисленные имена с корнем *мох- не могут быть производными от *moъьna. Следовательно, они образуют вместе с *moъьna группу рядоположных родственных производных от одного и того же корня (на индоевропейском уровне — основы) *мох-. Из славянских производных лишь *moъьna имеет достаточно близкое суффиксальное соответствие — лит. makšnà (хотя и здесь есть структурное различие

—вокализация суффикса в славянской лексеме, так что признание их генетического тождества возможно лишь при допущении вторичного преобразования формы в праславянском). Другие лексемы с корнем *тох- соответствий за пределами славянских языков не имеют. Вероятно, это собственно праславянские производные. Можно думать, что их производящая основа — корень *тох- принадлежал тематическому имени *тохъ или *тоха, но точно установить парадигматический тип его невозможно¹⁷. Бытование этого имени соотносимо лишь с раннепраславянским периодом.

Реконструкция корней и основ, подобных *kǫd- и *тох-, имеет то же значение для диахронического углубления праславянского словника, что и реконструкция цельноформленных лексем методом реконструкции второй степени. Их различие вряд ли принципиально: ведь и в последнем случае оформление слова — наиболее гипотетичный аспект реконструкции, а в первом сам набор производных налагает известные ограничения на возможности выбора лексической формы производящей основы, так что этот выбор отнюдь не безграничен. Поэтому представляется весьма желательной выработка способа включения реконструированных корней и основ в словарь праславянского словаря. Это стимулировало бы более тщательное обследование лексики славянских языков на предмет обнаружения непосредственных продолжений реконструированных корней и основ.

Примечания

- ¹ Задача реконструкции праславянской лексики решалась еще в одном словаре, см.: *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a záměna*. Praha, 1973. Sv. 1, sestavil F. Kipečný; Praha, 1980, sv. 2, sestavili F. Kipečný, V. Šaur, V. Polák. Однако словарь этого словаря не планировался собственно как праславянский лексический фонд и включает также и образования отдельных славянских языков, и поздние заимствования, а два опубликованные тома охватывают только служебные части речи и местоимения.
- ² Не останавливаясь здесь специально на толковании понятия словообразовательной вариантности. Редакторы рассматриваемых словарей не изложили свои взгляды на этот вопрос. Моя точка зрения — понимание словообразовательной вариантности праславянского слова как отношения однокоренных лексем при генетическом тождестве хотя бы одного консонантного элемента суффикса, с допущением структурных различий в производящих основах, см. Варбот Ж. Ж. *Праславянская морфология, словообразование и этимология*. М., 1984, с. 190, 211—214.
- ³ См. Ladislav Zgusta in cooperation with V. Černý, Z. Heřmanová-Novotná, D. Heroldová etc. *Manual of lexicography*. Praha, Academia, 1971, p. 203—204 (Далее — Zgusta).
- ⁴ Трубачев О. Н. «Лексикография и этимология.» *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов*. Варшава, август 1973 г. *Доклады советской делегации*. М., 1973, с. 294.
- ⁵ *Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)*. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 13 (Далее — ЭССЯ. Проспект).
- ⁶ ЭССЯ. Проспект, с. 23.
- ⁷ Zgusta, p. 203.
- ⁸ ЭССЯ. Проспект, с. 18—20.
- ⁹ Vaillant, A. *Grammaire comparée des langues slaves*. Paris, 1966. Т. III. Le verbe, p. 220—221 (Далее — Vaillant. Grammaire).

- ¹⁰ Vaillant. Grammaire III, p. 301.
- ¹¹ *Словарь русских донских говоров*. Авторы составители З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная, А. А. Дибров и др. Изд-во Ростовского университета, 1976, Т. III, с. 49.
- ¹² Vaillant. Grammaire III, p. 421.
- ¹³ ЭССЯ. Проспект, с. 18, 78.
- ¹⁴ Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 2-ое. Москва, 1955 (1882). Т. IV, с. 364.
- ¹⁵ Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва, 1971. Т. III, с. 810.
- ¹⁶ Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949—1959. V. I, S. 698.
- ¹⁷ Подробный анализ этой группы см.: Варбот Ж. Ж. «О реконструкции праславянского этимологического гнезда с корнем *тох-». *Исследования по сравнительно-историческому изучению и преподаванию индоевропейских языков*. Изд-во МГУ (в печати).